

УДК 811.11

ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТЬ КАК ФОРМА ГЕТЕРОГЕННОСТИ ТЕКСТА И СПОСОБ НАРУШЕНИЯ ЕГО СТРУКТУРЫ

А.В. Первова

Московский педагогический государственный университет, Москва

Статья посвящена проблеме интердискурсивности художественного текста как одной из форм проявления гетерогенности текста и влияния этого феномена на структурную целостность текста. Целью статьи является рассмотрение и анализ явления интердискурсивности текста как стилистического приёма на примере романа немецкого писателя Альфреда Деблина «Берлин Александерплац».

Ключевые слова: *дискурс, интердискурсивность, гетерогенность текста, поликодовый текст, нарушение структурной целостности текста, постмодернизм.*

Потенциал современной лингвистической теории, её развитие связаны с подходом к тексту с позиции гибкости и подвижности его внутренних и внешних границ [11: 230], где внутренние отображают текстуальность как имманентный признак текстового образования, а внешние, межтекстовые, позволяют рассматривать текст в новой плоскости, именуемой дискурс.

Классическим определением данной лингвистической реалии является дефиниция Н.Д. Арутюновой, согласно которой дискурс – это «речь, погружённая в жизнь» [3: 136–137]. Однако более точной в пределах нашего исследования представляется трактовка Ю.С. Степанова, определяющего дискурс как «особое использование языка <...> для выражения особой ментальности <...>, также особой идеологии; особое использование влечёт активизацию некоторых черт языка и, в конечном счёте, особую грамматику и особые правила лексики» [10: 38]. Учитывая некоррелятивность текста и дискурса, с одной стороны, и их взаимное сопряжение, обусловленное самим понятием целостности текста, получающим «реальное наполнение и осмысление через неразрывную связь с экстралингвистическим вокругтекстовым фоном» [11: 134], с другой, исследователи приходят к выводу о целесообразности выделения наряду с традиционными параметрами текстуальности ещё одного дистинктивного и релевантного признака – дискурсивности. Констатируя факт принципиальной открытости системы дискурса, учёные исходят из понимания дискурсивной формации как конституируемого из различных типов текста феномена, вследствие чего предлагают рассматривать дискурсивность в качестве текстуальной категории, означающей «понимание текста не как изолированной единицы, но как составной части метатекстового единства» [11: 173].

Таким образом, этот новый лингвистический параметр вводит традиционную лингвистику текста в иную систему координат, где особое внимание уделяется изучению интердискурсивности, или «феномену взаимодействия дискурсов» [11: 177]. Но поскольку интердискурсивное взаимодействие, или смена дискурсов, осуществляется только в текстовой плоскости, а текст может стать точкой пересечения нескольких дискурсов, то вполне обоснованным представляется рассмотрение двух категорий – интердискурсивности и интер-

текстуальности – в качестве конституэнтов диалектического единства. Их взаимосвязь прослеживается как на уровне адекватного текстопроизводства и текстовосприятия, так и в части узнавания нарушения структурных закономерностей текста как дискурсивного образования при их явной доминирующей позиции. Нарушения подобного рода применяются авторами текстов намеренно и представляют собой стилистический приём. Целенаправленное использование автором данного стилистического приёма детерминирует понятие текстовой гетерогенности, которое не нашло однозначной трактовки в работах лингвистов.

Одни учёные сводят эту проблему к вопросу негомогенности текстов в ракурсе нарушения текстовых стандартов, вступающих во взаимодействие друг с другом и являющихся причиной «гетерогенности текстовых типов, занимающих пограничное положение на стыке коммуникативных сфер» [11: 79]. Другие исследователи рассматривают гетерогенный текст в рамках концепции интертекстуальности, т.е. включения в текст различных цитат и реминисценций к другим текстам. Существует также точка зрения, согласно которой негомогенность текста отождествляется с поликодовостью на уровне лингво-визуального образования в едином графическом пространстве, «в котором вербальный и изобразительный компонент образуют одно визуальное целое, структурное, смысловое и функциональное целое, обеспечивающее его комплексное, прагматическое воздействие на адресата» [2: 73]. В результате исследователи столкнулись с появлением множества понятий, таких как креолизованный текст, супертекст, бимедиальный, полимедиальный, мультимедиальный текст, вербально-визуальный текст, контаминированный текст, интерсемиотический текст, лингво-визуальный, изоверб, семиотически осложненный текст и др. Эти термины вошли в научный оборот, что свидетельствует о том, что текст как коммуникативная величина не ограничивается лишь языковой составляющей. Что же означает гетерогенность в лингвистике текста?

Исходя из этимологии терминов, О. А. Кострова предлагает различать понятия гетерогенности и гибридизации и понимает первое как «составляемость из различных по своей природе и происхождению частей» [12], а последнее – как получение гибрида вследствие скрещивания генетически различающихся форм, наблюдающееся преимущественно в области словообразования и имеющее скорее концептуальный характер [7: 2]. М.А. Ищук, например, трактует феномен гетерогенности как «семиотически осложненное образование, характеризующееся синтезом не менее двух знаковых систем, образующих в совокупности одно структурное, смысловое и функциональное целое, и обеспечивающее комплексное воздействие на адресата» [6: 7].

Разделяя точку зрения Я. Галло, заключающему в рамках анализируемой темы, что «материя» текста соткана из многих различных элементов, существенно влияющих на восприятие текстового целого» [4: 2], мы рассматриваем гетерогенность текста как широкое зонтичное понятие, включающее в себя «сложные диалогические и игровые отношения между разнообразными подструктурами текста, образующими его внутренний полиглотизм» (цит. по: [11: 190]). По утверждению Ю.М. Лотмана, именно такого рода отношения являются механизмом смыслообразования, позволяют говорить о тексте не только как о манифестации языка, но и как о генераторе смыслов, подчёркивая

наряду с коммуникативной функцией неомогенного текста его смыслообразующую функцию [там же]. Это становится возможным благодаря связности поликодовых составляющих, которая не всегда прослеживается на внешнем уровне, но проявляется на внутреннем за счёт взаимной адаптации компонентов гибридного текста, в котором каждый из них обнаруживает новые потенциальные значения [4: 2], что, в свою очередь, констатирует факт его когерентной целостности.

Понятие интердискурсивности следует отличать от интертекстуальности, поскольку, являясь разными гранями одного многомерного явления, именуемого гетерогенностью, они представляют собой отличные друг от друга лингвистические феномены. Интертекстуальная концепция основывается, прежде всего, на типологической аналогии и стереотипности текстовых компонентов, а в случае интердискурсивности на первый план выдвигается когнитивное переключение с одной типологической модели на другую [11: 229]. Апеллируя к научным изысканиям в русле вопроса о видах интердискурсивности, остановимся на подходе Е.А. Гончаровой, согласно которому можно говорить о естественной, или спонтанной, и инсценируемой интердискурсивности, разница между которыми заключается в том, что первая отображает «естественный процесс реинтеграции человеческих знаний, рассредоточенных в разных дискурсивных формациях» [5: 12], а детерминантой последней выступает целенаправленная интенция автора как проявление его особой стратегии при реализации задачи наиболее эффективного формулирования текста с целью максимального воздействия на адресата [там же]. С естественной интердискурсивностью мы сталкиваемся, например, в научной литературе, что отражает межнаучную и междисциплинарную связь различных областей знания. Инсценируемым видом интердискурсивности, напротив, изобилует художественная литература, где мы можем говорить об определённом стилистическом приёме, поскольку, во-первых, имеем дело с авторской интенцией, а во-вторых, интердискурсивность как форма проявления гетерогенности текста характеризуется, как было указано выше, включением в текст фрагментов разных дискурсов и приводит, как правило, к нарушению структуры текста, так как любое инкорпорирование иностилевых элементов в текст сопровождается вторжением в его целостность.

Действительно, художественный стиль выступает в рамках изучаемого вопроса как некий аттрактор для лингвистов, так как представляет своеобразный массивный конгломерат, состоящий из соблюдения конвенциональных норм и правил, с одной стороны, и стремления к их нарушению, с другой. В этой связи особенно показательной является постмодернистская литература, характеризующаяся провозглашением принципа «децентрации» структуры текста, свободной игры с текстообразовательными нормами и, как следствие, маргинализацией жанров, падением ясных жанровых идентификаций и, в конечном счёте, гегемонией гетерогенности и гибридизации в текстах.

Черты модернизма характерны для творчества знаменитого немецкого писателя Альфреда Дёблина и, в частности, его самобытного романа «Berlin Alexanderplatz», написанного в 1929 году, поле гетерогенных импликаций которого включает как интертекстуальные, так и интердискурсивные элементы. Одним из примеров, удачно демонстрирующих феномен интердискурсивности,

или полидискурсивности [1: 122–130], является инициальный абзац второй книги романа:

(1) *Es lebten einmal im Paradies zwei Menschen, Adam und Eva. Sie waren vom Herrn hergesetzt, der auch Tiere und Pflanzen und Himmel und Erde gemacht hatte. Und das Paradies war der herrliche Garten Eden. Blumen und Bäume wuchsen hier, Tiere spielten rum, keiner quälte den andere.* [13: 49].

Включение в художественный дискурс религиозного очевидно, так как читатель сталкивается с авторским вариантом пересказа библейского сюжета, который легко идентифицируется по именам персонажей этой истории Adam и Eva, а также концептам «Paradies» и «Garten Eden». Религиозный дискурс помещён автором в начало второй книги не случайно, поскольку отражает желание главного героя, Франца Биберкопфа, вышедшего из тюрьмы, начать новую жизнь и наполнить её добром и светом. В данном случае интердискурсивность выполняет функцию отображения внутреннего состояния протагониста, поскольку фрагмент истории сотворения мира символизирует начало новой жизни, зарождение добродетели на земле. Но поскольку сам по себе религиозный дискурс ассоциируется с категориями сакрального и мистического, т.е. не связанного непосредственно с реальной жизнью, то и способность Франца вести образ жизни добропорядочного человека писатель ставит под сомнение. Более того, в качестве дополнительного средства изображения, с одной стороны, радужной, а с другой, маловероятной картины А.Дёблин прибегает к интегрированию в субстанцию текста элемента песенного дискурса, следующего сразу после упомянутого выше включения:

(2) *So wollen wir fröhlich beginnen. Wir wollen singen und uns bewegen: Mit den Händchen klapp, klapp, klapp, mit den Füßchen trapp, trapp, trapp, einmal hin, einmal her, ringsherum, es ist nicht schwer* [13: 49].

По мнению М.А. Потапчука, песня выполняет функцию эмоционального сопровождения и консолидирующего фактора, передаёт внутренние переживания и сосредоточивает ценностные приоритеты человека [9: 141]. На первый взгляд, куплет из детской незамысловатой песни придаёт тексту лёгкий и радостный характер, указывая на искренность порыва Ф. Биберкопфа, однако, учитывая специфику мышления и мировосприятия ребёнка, данная вставка, репрезентирующая черты детской неосознанности и несформированности ценностной картины мира, не позволяет нам всерьёз воспринимать наивное и недолгое по продолжительности намерение героя стать другим, порядочным человеком. Возникший в результате данной оппозиции своего рода когнитивный диссонанс оставляет за читателем право усомниться в возможности преобразования главного персонажа и, таким образом, мотивирует реципиента на дальнейшее чтение. В этом случае речь может идти о мобилизации внимания читателя посредством стилистического приёма интердискурсивного включения, реализующего функции интердискурсивности.

Беззаботный настрой протагониста, описываемый с помощью названных интердискурсивных элементов, резко сменяется мрачной и динамичной картиной Берлина, в которую он погружается, как только выходит из тюрьмы в город и сталкивается с реальной действительностью. Включение в текстовое пространство разнообразных справок, материалов и документальных данных, отражающих картину жизни Берлина 20-х годов XX века, например, из плана

по застройке земельного участка типа «Handel und Gewerbe», «Stadtreinigungs- und Fuhrwesen», «Gesundheitswesen», «Tiefbau», «Kunst und Bildung», «Verkehr», «Sparkasse und Stadtbank», «Gaswerke», «Feuerlöschwesen», «Finanz- und Steuerwesen» [13: 49–50] фокусирует внимание читателя на интеграции в текст элементов делового дискурса, одного из видов институционального дискурса. По словам А.В. Литвинова, последний характеризуется доминированием рационального над эмоциональным, общественного над персональным и приверженностью определённым иллюзиям и предрассудкам, мифам и стереотипам [8]. На наш взгляд, это в очередной раз демонстрирует всю несостоятельность замысла Ф. Биберкопфа и его неготовность стать полноценной, живой «по-честному», социальной единицей общества, где на первый план выдвигается общественное сознание с предписанными обязанностями и ограниченными правами.

Прочувствовать преломленное через призму делового дискурса состояние главного персонажа реципиенту помогают мини-иллюстрации, сопровождающие упомянутые выше экспликации сооружения, что даёт основание рассматривать данный эпизод как отдельный вид гетерогенности – креолизованный текст, фактура которого представлена двумя облигаторными составляющими: вербальной и невербальной. Своеобразное обрамление языкового материала картинками детерминирует двойную закодированность сообщения, которое, в свою очередь, влияет на информативность и экспрессивность текста, оказывая максимальное воздействие на адресата. Посредством контаминации, или смешения разнородных факторов в новую совокупность, автор позволяет читателю невольно погрузиться в фикциональный мир и стать своего рода участником описываемых событий. Таким образом, диффузия художественного и делового дискурсов наряду с визуализацией в целях обеспечения произведения персуазивным зарядом подтверждает релевантную для функционального подхода максиму о том, что текстовая форма полностью следует за функцией. В данном случае это функция усиления информационного веса и дополнительной эмоционализации. Экстериоризация, выражение интенции автора, заключающейся в максимальном вовлечении адресата в событийный ряд, в ракурсе контаминации интердискурсивности и частичной креолизованности текста наблюдается и в следующем отрывке:

(3) Das erste Newtonsche (njutensche) Gesetz, welches lautet : Ein jeder Körper verharrt im Zustande der Ruhe, solange keine Kraftwirkung ihn veranlaßt, seinen Zustand zu ändern (bezieht sich auf Idas Rippen). Das zweite Bewegungsgesetz Njutens : Die Bewegungsänderung ist proportional der wirkenden Kraft und hat mit ihr die gleiche Richtung (die wirkende Kraft ist Franz, beziehungsweise sein Arm und seine Faust mit Inhalt). Die Größe der Kraft wird mit folgender Formel ausgedrückt :

$$f = c \lim \Delta v / \Delta t = cw [13: 99–100].$$

Включение фрагмента из научной литературы физико-математической сферы для описания убийства Францем своей бывшей подруги в художественный дискурс обуславливает, по нашему мнению, своеобразную ментальную полифонию видения читателем протагониста. Адресат испытывает чувство внутреннего противоречия, так как проникается жалостью к одинокому человеку, вышедшему из тюремных стен и решившему встать на «путь истинный». В то же время перед ним жестокий и бездушный убийца, в искренность наме-

рений которого трудно поверить. В качестве иконического компонента использованные формулы усиливают эту механистичную, равнодушно-отстранённую линию повествования в изображении кровавого преступления. Такое структурное нарушение приводит к стилевой гетерогенности текста, а включённые в контекст повествования парентезы – к его дискретности. Следующий пример фрагмента из романа «Берлин. Александерплатц» также является показательным в свете анализируемого феномена:

(4) Der Polizeipräsident, Abteilung 5, Geschäftszeichen, es wird ersucht, bei etwaigen Eingaben in vorliegender Angelegenheit das obige Geschäftszeichen anzugeben. Ausweislich der mir vorliegenden Akten sind Sie wegen Bedrohung, tätlicher Beleidigung und Körperverletzung mit tödlichem Ausgang bestraft worden, mithin als eine für die öffentliche Sicherheit und Sittlichkeit gefährliche Person zu erachten. Demgemäß habe ich auf Grund der mir nach Paragraph 2 des Gesetzes vom 31. Dezember 1842 und nach Paragraph 3 des Gesetzes über die Freizügigkeit vom 1. November 1867... zustehenden Befugnis beschlossen, Sie von Landespolizei wegen aus Berlin... auszuweisen... [13: 42].

Очевидное столкновение художественного и юридического дискурсов порождает ощущение некой напряженности ситуации. Кроме того, юридически-правовые лексемы, такие как «Akten», «bestraft», «Paragraph», «Gesetz» и конкретные номера законов, а также четко оформленный клишированный текст письма противопоставляется, на наш взгляд, ветреному поведению маргинала Биберкопфа с неопределёнными планами на будущее и размытыми представлениями о границах бытия.

Сталкиваясь с фрагментами разных дискурсов в процессе чтения читатель как бы собирает пазл, и перед ним раскрывается не только достоверный образ главного действующего лица, но и колорит Берлина 20-х годов, типичными чертами которого является сложная политическая и социально-экономическая ситуация, где высокими темпами растет преступность и активно происходит фашизация общества – обстановка, в которой трудно сделать правильный выбор. Поэтому предпочтение авторами эпохи постмодернизма в качестве формы своих произведений техники литературного монтажа является вполне оправданным. Оригинальность их подхода мотивируется стремлением наиболее глубоко и объективно передать атмосферу описываемого времени.

Поскольку главным принципом представителей постмодернистской эстетики был провозглашен отказ от традиционных норм и правил, свободную игру с текстом, нарушающую его поверхностную структуру, но сохраняющую целостность на содержательном уровне благодаря смысловым контактными и дистантными связям, можно рассматривать как канонизированную и перманентную составляющую их творчества. Интердискурсивность, один из излюбленных стилистических приёмов эпохи модернизма и постмодернизма, порождающий гетерогенность текста, сигнализирует о факте неоднозначного интерпретирования, оставляя текст пространством, открытым для континуального прочтения. Такая самобытность, неожиданность и оригинальность в выборе формы упомянутых произведений путём инкорпорирования в текстовую материю иных текстообразовательных моделей, усиливающая и прагматически фокусирующая воздействующее назначение текстового целого, позволяет нам говорить об эстетическом потенциале материальной организации текстов.

Список литературы

1. Андреева В.А. Литературный нарратив: текст и дискурс. С-Петербург: Норма, 2006. 182 с.
2. Анисимова Е.Е. Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания. 1992. № 1. С. 71–78.
3. Арутюнова Н.Д. Дискурс // БЭС: Языкознание. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. С. 136–137.
4. Галло Ян. Гетерогенность текста как лингвистическая проблема // Язык и культура, 2003. № 15. 7 с.
5. Гончарова Е.А. Ещё раз о стиле как научном объекте современного языкознания // Текст – Дискурс – Стилль. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2003.
6. Ищук М.А. Специфика понимания иноязычного гетерогенного текста по специальности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2009. 19 с.
7. Кострова О.А. Гетерогенность и гибридность дискурса с позиций лингвопрагматики // Русская германистика: Гетерогенность и гибридность как предмет изучения в германистике. Т. X. М.: ЯСК, 2013. С. 235–243.
8. Литвинов А.В. К вопросу о классификации текстов делового дискурса. [Электронный ресурс]. URL: www.nor-diro.ru/ru/node/436 (дата обращения: 10.10.2014).
9. Потапчук М.А. Песенный дискурс как коммуникативный процесс. // Вестник Челябинского государственного университета, 2013. № 2 (293). Филология. Искусствоведение. Вып. 74. С. 140 – 143.
10. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века: сб. науч. ст. М.: РГГУ, 1995. С. 35–73.
11. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 248 с.
12. Юдин Б.Г. Новая философская энциклопедия: В 4 тт. М.: Мысль. Под ред. В.С. Стёпина. 2001. [Электронный ресурс]. URL: http://enc-dic.com/enc_philosophy/Geterogehhost-7838.html (дата обращения: 27.08.2015).
13. Döblin, Alfred. Berlin Alexanderplatz. Roman. Deutscher Taschenbuch Verlag. München, 2008. 456 S.

INTERDISCURSIVITY AS A FORM OF HETEROGENEITY OF THE TEXT AND A METHOD OF VIOLATION OF ITS STRUCTURE

A.V. Pervova

Moscow State Teachers' Training University

This article is devoted to the problem of the interdiscursivity of the literary text as one of the forms of manifestation of the heterogeneity of the text and the influence of this phenomenon on the structural integrity of the text. The aim of this article is to examine and to analyse the phenomenon of the interdiscursivity of the text as a stylistic device by the example of the novel by a German author Alfred Döblin.

Keywords: *discourse, interdiscursivity, heterogeneity of the text, polycode text, violation of structural integrity, postmodernism.*

Об авторе:

ПЕРВОВА Анна Валентиновна – аспирант кафедры немецкого языка Московского педагогического государственного университета, e-mail: pervova2012@mail.ru.

